



Александр Палладин

МОЙ ВЗВОД БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА



Александр Палладин

Мой взвод Бессмертного полка

«Aegitas»

2026

УДК 94(47+57)"1914/1945"
ББК 63.3(2)6

Палладин А. А.

Мой взвод Бессмертного полка / А. А. Палладин — «Aegitas»,
2026

ISBN 978-0-3694-1446-5

Документальная повесть «Мой взвод Бессмертного полка» представляет собой сборник рассказов ветерана отечественной журналистики Александра Палладина о родственниках, защищавших Родину на разных фронтах со времён нашествия Наполеона. В их числе – Герои Советского Союза и Социалистического Труда, знаменитый подводник, ставший смершевцем пограничник, создатель Службы горючего Советской армии, воины-интернационалисты, руководители крупнейшего оружейного производства и радиоузла в блокадном Ленинграде, выдающийся учёный, чья подпись стоит на Уставе ООН, герои Русско-японской и Первой мировой войн. В конце – рассказ автора об участии в информационных войнах в годы работы в Канаде и США.

УДК 94(47+57)"1914/1945"

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-0-3694-1446-5

© Палладин А. А., 2026

© Aegitas, 2026

Содержание

Мой взвод Бессмертного полка	6
Боец идеологического фронта	9
Послезавтра была война	16
Незабываемый парад	23
Всё для фронта, всё для победы	25
В Высшей партийной школе	30
Черчилль собственной персоной	33
Он ковал оружие Великой Победы	37
Главнейший арсенал Родины	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Палладин

Мой взвод Бессмертного полка

*Вечная, светлая память тем, кто отстоял свободу и
независимость нашей Родины!*



Copyright © 2026 Александр Палладин

Copyright © 2026 Издательство Aegitas

Все права защищены.

Мой взвод Бессмертного полка



В мае 2025 года, в канун 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, посольство РФ в Токио провело акцию «Бессмертный полк». В столице Японии потомки победителей почтили память героев той войны, ветеранов армии и флота, партизан, тружеников тыла, узников нацистских концлагерей, блокадников Ленинграда.



Живущий в Стране восходящего солнца Юрий Чекалин, главный редактор международного сетевого журнала CommentaTHOR, с которым я активно сотрудничаю уже несколько лет, предложил прислать снимки моей родни, заверив в готовности нашего посольства в Японии включить её в состав участников марша Бессмертного полка. Я так и сделал. В итоге сформировался целый взвод воевавших и активно помогавших им воевать.

У всех упомянутых в этой книге Палладиных один и тот же пращур – мой прапрадед Яков Михайлович. Он родился в селе Покровское (ныне носит название Большое Покровское и входит в состав Новомосковского административного округа Москвы, находится в паре десятков километров от столичной кольцевой автомобильной дороги, за аэропортом Внуково) и в 1820 году по окончании Московской духовной семинарии получил назначение на должность диакона в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в другом подмосковном селе – Дютьково, где и продолжил наш род. У Якова Михайловича было три сына: Алексей, Иван и мой прадед Пётр.

Пётр Яковлевич окончил Спасо-Вифанскую семинарию. С 1850 года служил пономарём, а с 1875 – диаконом в той же дютьковской церкви. С его потомков и начну свой сказ.



Пётр Яковлевич Палладин (1832-?)

Боец идеологического фронта

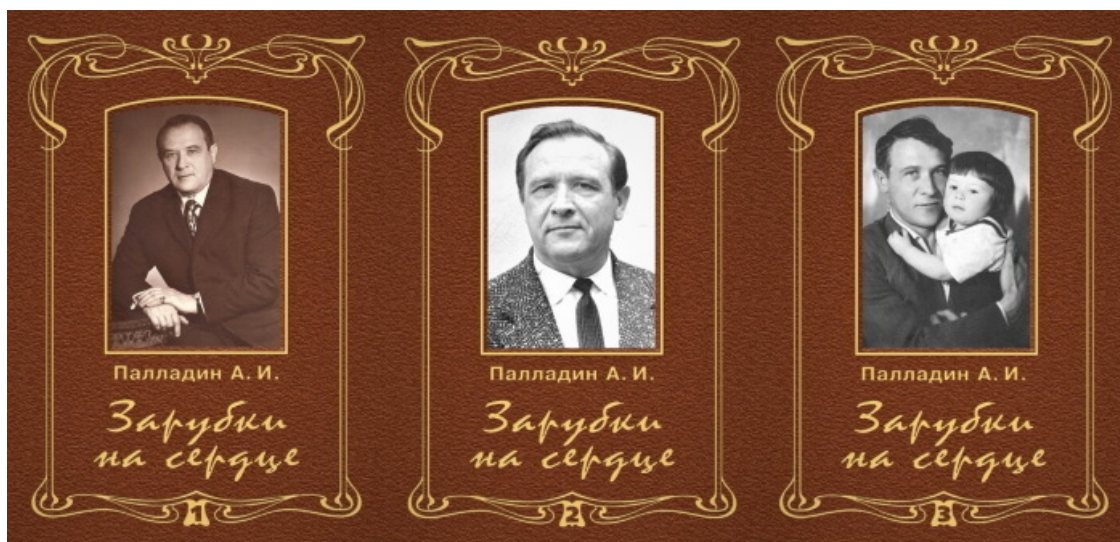
У Петра Яковлевича было четыре сына: Александр, Алексей, Михаил и мой дед Иван. В 1899 году Иван Петрович взял в жёны жительницу Смоленской губернии Лидию Сергеевну Селезнёву. Они произвели на свет пятерых дочерей и двух сыновей, включая моего отца, Палладина Александра Ивановича (1912-1985).



Иван Петрович и Лидия Сергеевна

В 1916 году, в разгар Первой мировой войны, Иван Петрович со всем семейством со Смоленщины перебрался в подмосковный Подольск, где вместе с женой устроился работать на бывшем заводе швейных машин «Зингер».

Восемь лет спустя мой папа осиротел (скончался Иван Петрович) и по окончании семилетки поступил в школу фабрично-заводского ученичества при том же предприятии, преобразованном в Подольский механический завод. Из его мемуаров «Зарубки на сердце» (В музее «Подолье» представили книгу об известном журналисте-подольчанине):



«Через газету “Подольский рабочий” местная биржа труда уведомила о принятых в школу фабзавуча при Механическом заводе – крупнейшем в Московской губернии. В списке значилось и моё имя. В те времена счастьем было устроиться хотя бы в захудалую мастерскую: рабочих мест было ой как мало, а рук – в переизбытке. Мне же крупно повезло: в 14 лет я стал токарем по металлу, был причислен к гордой армии индустриальных рабочих, получил постоянный пропуск на завод, о котором грезили парни и девушки Подольска».

Список
принятых в школу ФЗУ на
1927/28 учебный год.

Агафонов М. А., Александров А. А.,
Алексанов Н. Д., Баданирев В. В.,
Бедкин В. Н., Бадурский П. А., Бояр-
кин А. А., Васильев И. В., Васильев
А. Н., Волкова Л. И., Герасимова В. М.,
Тригорьев А. В., Городничев Н. Ф.,
Дмитриев Н., Долгов А. А., Евдокимов
М. Г., Епифанов Н. А., Измайлов Г.,
Ильин П. А., Калабухов А. М., Кар-
пухин С. Г., Корягин В. А., Кострю-
мов С. С., Кузьмин А. Л., Кунырин А. И.,
Лавранов В. Г., Лазарева Л. В., Лап-
тев Л. С., Лебадин П. В., Лузанов С. С.,
Марцев В. М., Насыров Г. Ф., Палла-
дин А. И., Петров А. А., Протопопов
А. Н., Пятковский А. И., Сидяков Б. Б.,
Самарин А. В., Семенов В. И., Танта-
шев И. Н., Поморцев В. А., Трунов
Д. А., Тюрин М. Ф., Устинов Я. И.,
Хромов М. А., Чичкина Е. А., Шанд-
рин С. А., Шипов А. И., Бурак С. С.,
Варгин В. С., Гришин С. Р., Губанов
Н. Г., Костров В. И., Медведев Н. А.,
Новиков А. И., Яковлев Е. А., Арте-
мов А. И., Андрианов Н. А.

Занятия начнутся 1-го сентября
в 7 часов утра.

Зав. биржей труда Эглэ.

Гублит № 25066.



Ещё до окончания школы ФЗУ моего отца как одного из лучших учеников перевели на самостоятельную работу, а в 17 лет он получил звание токаря 4-го разряда.



Из папиных мемуаров:

«Искусство токарного ремесла я постигал легко, и гораздо раньше времени завершилось моё ученичество. В первый год первой пятилетки [1928 г. — *Авт.*] я стал полноценным рабочим. Подольский механический завод (ПМЗ) славился рабочими высокой квалификации, потому и решили открыть на нашем предприятии экспериментальную мастерскую для работ, требовавших высший класс точности. Во всех цехах завода отбирали наилучших. В мастерскую направили и меня.

Мы сотрудничали с военными конструкторами, работали по две и даже по три смены кряду. Осенью 1932 года мы сдали правительственной комиссии чудо-аппарат ПУАЗО [прибор управления артиллерийским зенитным огнём – *Авт.*]. В мгновение ока он исчислял скорость приближавшегося самолёта противника, высоту его полёта и тут же выдавал нужные расчёты для зенитчиков. В те времена это выглядело фантастично. Такие аппараты нашли широкое применение в войсках противовоздушной обороны. Реввоенсовет республики щедро наградил каждого из нас.

В мастерскую часто навещал мой первый наставник – Андрей Андреевич Насонов. Увидев, как я “ловлю микроны”, он изрекал:

– На твою работу глядеть любо-дорого. Чистый художник, не сегодня завтра превзойдёшь меня. Вот сделаю фотокарточку и подарю тебе с надписью – помнишь, как у Жуковского? “Победителю-ученику от побеждённого учителя”.

Да простит меня старый питерский металлист – не оправдал я его чаяний. Всё сильнее во мне звучала иная струна. Ещё в школе-семилетке я редактировал рукописный литературный журнал “Парус”. В цехах меня избирали редактором стенных газет, в заводской многотиражке “Наша правда” публиковали мои очерки и литературные зарисовки о лучших людях Механического. Мне не было и восемнадцати, когда районная газета “Подольский рабочий” напечатала мой первый большой очерк».

При ПМЗ создали литературный кружок. Над ним шефствовали приезжавшие из Москвы видные литераторы и журналисты: лауреат Сталинской премии, автор романа «Железный поток» Александр Серафимович, Михаил Кольцов, ученик Маяковского – Семён Кирсанов, автор слов к знаменитым песням «Орлёнок» и «Смутлянка» Яков Шведов.



А. И. Палладин (крайний слева в верхнем ряду) с другими членами литкружка

«Литературный кружок стал для меня большой школой, но систематических знаний я не имел, – читаем дальше в “Зарубках на сердце”. – А что мне следует учиться – к тому склонялся и партийный комитет завода. Он выдал путёвку–рекомендацию с настоятельной просьбой оказать содействие “ударнику первой пятилетки и активисту рабкоровского движения”. [Рабкор – рабочий корреспондент, т. е., рабочий с производства, писавший в газеты. Рабкоровское движение, возникшее в СССР в начале 1920-х, охватило миллионы трудящихся – *Авт.*]. С нею я и поехал в конце 1932 года в Москву сдавать вступительные экзамены в Редакционно-издательский институт. Но долго учиться там не пришлось. Весной 1933 года нас ознакомили с решением директивных органов о закрытии института: мол, “засорён классово-чуждыми элементами”.

Меня определили кандидатом в Литературный институт, который создавался усилиями Максима Горького. Но открыть институт предполагалось лишь через год, и я стал работать в “Комсомольской правде”» («Летописец Турксиба»).

С тех пор и до ухода в 1980 году на пенсию отец был неустанным бойцом идеологического фронта, отстаивая интересы нашего государства в качестве корреспондента ТАСС в Лондоне, сотрудника Совинформбюро¹, ответственного работника Союза советских писателей и Гослитиздата (ныне – издательство «Художественная литература»), пресс-секретаря Советского комитета защитников мира.

¹ Совинформбюро (Советское информационное бюро) было образовано при Совете народных комиссаров СССР через два дня после нападения гитлеровской Германии на нашу страну. Во время войны готовило сводки для СМИ о положении на фронтах и в партизанском движении, о работе тыла. После войны распространяло информацию о внутренней и внешней политике СССР в Европе, Азии, Африке и Новом Свете. В 1961 г. Совинформбюро преобразовали в Агентство печати «Новости» (АПН), где десятилетием позже стал работать автор этих строк.

Послезавтра была война



Весной 1940 года папа начал работать в ежемесячном журнале «Самолёт», ответственным секретарём редакции. Журнал для лётной молодёжи, воспитанников аэроклубов и авиационных училищ затеяли первые Герои Советского Союза Каманин, Молоков, Ляпидевский, Леваневский, Слепнёв, Громов.



«Среди авторов, – вспоминал отец, – были выдающиеся учёные, конструкторы летательных аппаратов, асы советского неба, герои Хасана и Халхин-Гола², известные поэты, писатели».

Лучшим аэроклубом страны по итогам 1940 года Центральный совет Осоавиахима³ признал расположенный в Канске, городке на берегу Енисея в 200 километрах от Красноярска. Из мемуаров отца:

² В 1938 и 1939 гг. там проходили бои с японцами. Нынешнему поколению Хасан скорее известен как «кликуха» одного из воров в законе.

³ Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству –общественно-политическая оборонная

«Ветры войны приближались к советским границам. Это ощущалось и по работе наших аэроклубов. Всюду проходили досрочные выпуски, и учлёты направлялись в авиаучилища овладевать боевыми машинами.

В феврале 41-го я получил редакционное задание подготовить для “Самолёта” очерк о лётной молодёжи канского клуба. В прежние времена о таких селениях, как Канск, говорили: скакать туда – не доскакать. И какие же там нашлись чудо-богатыри, сумевшие на зависть иным крупнейшим аэроклубам первичной подготовки лётчиков поднять своё детище на самую вершину!

Начальник и руководитель учебно-лётной подготовки Канского аэроклуба – коренные сибиряки, в недавнем прошлом военные лётчики – произвели самое отрадное впечатление. Показали классы теоретической подготовки, аэродромные службы. Всё выглядело образцово. Чувствовалось: клуб, по-сибирски деловито и хозяйственно обосновавшийся в захолустном городишке, и впредь не уступит первенства.

Вечерами руководство клуба знакомило с учлётами. Славные парни! Серьёзно-деловитые, презиравшие многословие. И до фанатизма влюблённые в авиацию. Их кумиром был Валерий Чкалов.

При этом осуществление заветной мечты – завоевание неба – давалось им непросто. Большинство учлётов не были жителями Канска. После занятий в школе или рабочей смены они приезжали в аэроклуб с окрестных станций и полустанков на тормозных площадках товарных поездов (пассажирский проходил утром, раз в сутки).

В воскресенье начальник аэроклуба позвал на аэродром:

– Будем принимать зачёты по самостоятельным полётам.

Учлёты выстроились у самолётов. Немногословные наставления инструкторов, короткая команда, и У-2 один за другим взмывают ввысь.

Притихли наставники, наблюдавшие зачётные полёты своих воспитанников. Те, словно распрямившие крылья орлята, легко проделывали в морозном небе сложные эволюции. Мне доводилось бывать на клубных аэродромах Москвы, Сталинграда, Ростова-на-Дону, Новгорода, Серпухова, но увиденное в глухом сибирском городке заворжило.

И кто мог тогда представить себе, что три месяца спустя на нашу землю нагрянут гитлеровские полчища?! Что и эти сибирские парни, пройдя ускоренный курс в военных училищах, ринутся в воздушные бои с фашистскими стервятниками? Что немало канских ребят сложит головы в схватках с немецкими асами?

...В канун 22 июня 1941 года я вернулся из командировки в Рязань, где готовил репортаж про местный аэроклуб. А на следующий день передали правительственное сообщение: война!

Третьего июля Сталин произнёс по радио свою знаменитую речь. В ней была беспощадная правда о наших неудачах на фронте, говорилось о том, что нужно делать во всенародной войне против фашистской Германии. А через полтора часа нарочный вручил мне повестку о немедленной явке в городской военкомат. Там объявили: “По особому набору Московского городского комитета партии направляетесь в Военно-политическую академию имени Ленина”.

В тот же день я прибыл в Кубинку, куда накануне в летний лагерь выехала академия. Нам (это были, в основном, журналисты и партработники) объявили: “Подготовим из вас политруков и комиссаров для воинских частей. Двухгодичные курсы пройдём с вами за полгода”. Через три дня уточнили: “За два месяца”.

С первого ночного похода я вернулся сам, со второго меня доставили в лазарет. Утром отвезли в гарнизонную врачебную комиссию. А днём вызвал к себе начальник академии:

– Зачем скрыли, что у вас порок сердца? Возвращайтесь к прежнему месту работы!

Вернувшись в Москву, поздним вечером вместе с женой пошёл в военкомат за документами. Освободился в двадцать два ноль-ноль. Выходим – воздушная тревога, первая бомбёжка Москвы [это случилось 22 июля 1941 года – *Авт.*]. Наш дом находился метрах в четырёхстах. Добежим! Но нас заставили спуститься в бомбоубежище на станции метро “Комсомольская”. Оттуда тоннелем добрались до соседней станции “Красные Ворота”. Теперь дом совсем рядом, но тут сильный взрыв потряс своды станции. На рассвете увидели: бомба упала возле нашего дома на железнодорожную ветку, соединяющую Каланчёвку с Курским вокзалом.

С тех пор во время воздушных тревог занимал пост на крыше нашего 8-этажного дома на Новой Басманной, 4-6, укрощал “зажигалки”».

По окончании войны отца, продолжавшего выполнять в нашей столице свой гражданский долг даже в самые тревожные дни осени-начала зимы 1941 года, наградили медалью «За оборону Москвы».



«Летом 1942 года «на станции “Люберцы” в наш вагон электрички вошёл мужчина. Лицо – сплошные швы и рубцы от ожогов.

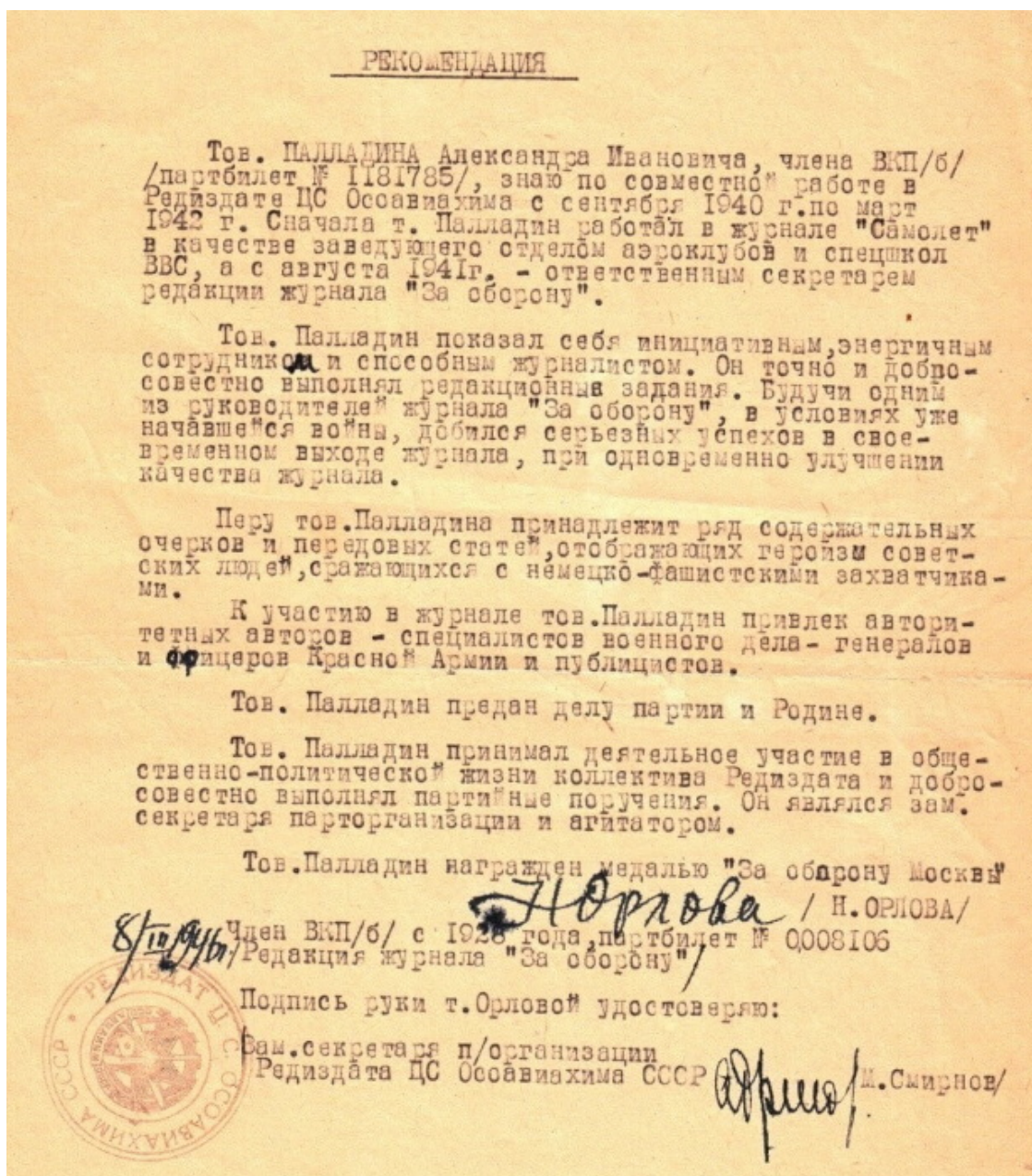
– Кирилл!.. Ты?

В Кубинке я шагал с ним в одном взводе. Мы обнялись.

– Мне-то ещё повезло, – услышал я от Кирилла. – Недавно был в академии. Там сказали: никого из нашего выпуска в живых не осталось.



...“Самолёт” больше не выходил. Вместо него стали издавать журнал “За оборону”. Исполняющим обязанности редактора назначили меня.



Как-то связался с английским генералом, военно-воздушным атташе при посольстве Великобритании. Представитель союзников согласился рассказать об опыте противовоздушной обороны Лондона. В своей статье генерал пожелал успехов советским воинам в отражении налётов фашистской авиации на нашу столицу. С системой ПВО Москвы ознакомили и британского премьер-министра. "Теперь я понимаю, почему так мало пострадала ваша столица", – сказал Уинстон Черчилль⁴.

Особенно тревожно стало в Москве в середине октября 41-го. К столице стягивали воинские эшелоны из Сибири и с Дальнего Востока. Всех занимал вопрос: "Где Сталин?". А он

⁴ К концу мая 1941 г. в британской столице были убиты более 20 000 мирных жителей, множество домов разрушено или повреждено. Последствия налётов немецких стервятников увидела и наша семья, когда отца в 1946 г. командировали в Лондон в качестве корреспондента ТАСС. Из его мемуаров: «Бродили мы по улицам столицы могущественной британской империи – и диву давались. Фашистские изверги превратили в руины Сталинград, Минск, Смоленск... Но из пепла они, как и сотни других советских городов, поднимались ещё в дни жестоких сражений. В Лондоне же восстановительные работы не просматривались и год, и два, и три по окончании войны».

оставался в Москве – возглавлял Государственный комитет обороны, руководил действиями фронтов, обороной столицы. В ночь на 19 октября Сталин продиктовал памятный всем москвичам документ, коим в столице и прилегающих к ней районах объявили осадное положение».

Но уже 29 октября в столице заработал «Мюзик-холл». Об этом сообщила «Вечерняя Москва»: «Вчера днём была показана первая программа театра, состоящая из разнообразнейших эстрадных номеров и цирковых аттракционов. Кроме артистов эстрады выступили старейшие русские клоуны “Бим-Бом”, эксцентрики Буяковские, жонглёр Нази-Ширяй и др. Матч французской борьбы. Джаз-оркестр под управлением Волкова. Готовится программа “Американский цирк”, выдержанная в стиле американских цирковых представлений».

В том же номере «Вечёрки» говорилось о работе планетария и Ботанического сада, о реставрации Останкинского дворца и храма Василия Блаженного, сирени и ландышах, выращенных к Новому году для московских цветочных магазинов...

Незабываемый парад

Сталин и в государственном PR знал толк. Блестящей демонстрацией этого стал военный парад, проведённый на Красной площади 7 ноября 1941 года. Его очевидцем стал мой отец:

«В тревожный для столицы момент, когда руководство Редиздата ЦС Осоавиахима, бросив без призора все дела, в том числе и секретные, оказалось вдруг далеко от Москвы, а сотрудники Редиздата и его изданий остались без руля и ветрил, Бауманский РК КПСС назначил меня парторгом райкома по Редиздату, обязав заниматься всеми его делами.

Немецкая военная машина стояла у стен Москвы. И кто мог подумать, что в такой момент на Красной площади состоится традиционный парад в честь годовщины Октября?

Меня часто вызывали в райком и глубокой ночью. Так случилось и в ночь на 7 ноября 1941 года. На сей раз по особому случаю: секретари райкома А. М. Чистяков и Царегородцев вручали пригласительные билеты на военный парад. Мой билет – за номером 328.



Удивительно, но отца на парад пропустили, хотя нашу фамилию на пропуске исказили

Прямым ходом отправились на Красную площадь. На улицах сугробы, идти скользко. Темно. А трибуны уже заполнялись. Моя трибуна – правая, первая от Мавзолея.

Застыли стройные ряды войск. Площадь покрылась коркой льда. Каково будет шагать батальонам? Вот к сводному оркестру приближается военный дирижёр Василий Иванович Агапкин, человек высокорослый, грузный. Поскользнулся. К нему поспешили ассистенты – и тоже не удержались на ногах. К счастью, вскоре в воздухе закружили крупные хлопья снега, и толстый слой пуха укрыл площадь.

На трибуну Мавзолея Сталин поднялся в простой шинели, в фуражке. Было морозно, дул ветер. Микрофон едва слышно передал его слова: «Поддувает основательно...».

Иосиф Виссарионович обратился к Красной армии:

– Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра

Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

С Красной площади прямо на передовые позиции шли полки стрелковых дивизий, ополченцы, артиллерийский и зенитный полки, столичный флотский экипаж, кавалерийские части.

Когда проходили танки, предпоследняя боевая машина вдруг стала разворачиваться напротив Мавзолея. Развернулась – и... двинулась назад, к Историческому музею.

В чём дело? Для меня это долго оставалось загадкой, пока в 1949 году в Центральный дом литераторов не пригласили генерала Кузьму Романовича Синилова, военного коменданта Москвы. Рассказав, как готовятся и проводятся парады на Красной площади, он коснулся и того происшествия в ноябре 41-го:

– Иосиф Виссарионович велел разобраться. Я опросил членов экипажа того танка, молодых ребят, только что окончивших училище. Ответ держал механик-водитель: “В училище мы накрепко усвоили закон – сам погибай, но товарищей выручай. Подходим к Мавзолею, а задняя машина сигналист: на выручку. Забуксовала на льду, отстала. Я и пошёл, не раздумывая, взять товарищей на буксир”. Доложил Сталину, и он поступок танкиста одобрил».

Всё для фронта, всё для победы

В начале 1942 года отца перевели на работу в «Совхозную газету» (в то время – печатный орган Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР). Из «Зарубок на сердце»:

«Наша редакция разместилась в двух шагах от Красной площади. Я ведал отделом партийно-политической жизни, был избран секретарём редакционной парторганизации.



Мне повезло на деловое общение с героем войны Петром Васильевичем Волохом. Генерал-лейтенант танковых войск, человек отчаянной храбрости, умница, он был настоящим

отцом солдатам. В Политуправлении Красной армии, куда я обратился в мае 1942 года, мне сказали:

– Выступить в гражданской прессе со всенародным почином? Генерал Волох подойдёт как никто другой.

И вот я в кабинете начальника Главного автобронетанкового управления по формированию и укомплектованию войск и частей Красной армии. Генерал внимательно выслушал меня и сказал:

– Крестьянский труд мне знаком сызмальства. Хотите, чтобы я напечатался у вас с призывом организовать всенародное соревнование за высокие урожаи, за повышение производства молока, мяса в помощь фронту? Дело нужное, подписываюсь обеими руками! Вы правильно назвали работников совхозного производства гвардейцами тыла.

В дни войны полеводы, трактористы, животноводы передавали государству денежные сбережения, семейные ценности на строительство самолётов и танков. На эту тему мне поручили подготовить очерк по материалам совхозов прифронтовой Тульской области.

В Тулу добрались ранним утром. В совхозном тресте мне предоставили бричку с запасом корма для лошади дня на три-четыре. Возница, бывший фронтовик с искалеченной ногой, исправно нёс немудрёную службу, и мы с рассвета дотемна перемещались из свиноводческого хозяйства в картофелеводческое, из зерноводческого – в царство овощных культур.

Как-то поутру ехали редколесьем. Возница первым услышал гул самолёта.

– Стой! – приказал он сам себе, тревожно вглядываясь в небо (сказалась фронтовая привычка). Гул нарастал, но самолёт мы не видели.

– Да вот он, тут! – прокричал возница. – Кажись, немец...

Сквозь редкие, но густо разросшиеся сучья деревьев я разглядел аэроплан. Он летел низко, по-над самой кромкой берёз. Мотор урчал хрипло, с надрывом. Машина летела прямо на нас. Точнее, не летела, а словно зависла в воздухе – так медленно перемещалась в воздухе. Правое крыло самолёта на пару мгновений заслонило нам солнце. Во всю ширину плоскости зияла дыра. На крыле увидели и звезду – опалённую, как бы изъеденную пламенем.

– Нашенский! Родимый наш, как же тебе досталось!

Это был знаменитый штурмовик Ил-2. Он возвращался с боевого задания. На нём и живого места не осталось, но сломить сказочную стойкость прославленного самолёта гитлеровцам не удалось. От счастья хотелось кричать “ура!” бесстрашному соколу.

Мы долго смотрели вслед удалявшемуся самолёту, пока он не скрылся из виду. Мы же свой маршрут завершить не смогли. В зерновом совхозе мне вручили депешу: “Немедля приезжайте в обком партии”. Там уведомили:

– В среду утром состоится торжественная передача работниками совхозов колонны танков гвардейскому танковому корпусу.

Торжества были намечены в берёзовой роще, в двадцати километрах от Тулы. Делегация Наркомата совхозов СССР выехала туда ещё сутками раньше. Мне на сборы оставались минуты. В обкоме предоставили “Эмку” [легковой автомобиль, производившийся на Горьковском автомобильном заводе с 1936 по 1942 год – Авт.].

На закате солнца мы въехали в берёзовую рощу. Это был огромный зелёный массив, тянувшийся на многие километры. Окрест было очень тихо, но за каждым кустиком, за каждым деревом ощущалось присутствие больших масс людей.

Поутру на полянах выстроились экипажи боевых машин. Костяк вновь сформированного корпуса составили его ветераны.

– Верим: вы с честью пронесёте знамя корпуса над полями сражений, – говорили представители совхозного производства, передавая танковую армаду прославленному соединению.

Командир корпуса был краток:

– Спасибо за подарок! Будьте уверены: мы вас не подведём!

Предоставляя слово отличнику боевой и политической подготовки, недавно призванному из сибирских краёв, генерал, глянув в бумажку, на секунду смутился, но затем с солдатской прямоотой отчеканил:

– Выступает рядовой Жопкин.

До призыва этот солдат работал секретарём райкома партии. За какие-то провинности его отправили на фронт, где обладатель уникальной фамилии показал себя молодцом из молодцов. Без его превосходного выступления газетный отчёт был бы неполон. Как быть? Ведь из песни слова не выкинешь...

Пришлось пойти на откровенный разговор:

– Дорогой товарищ, вы столько лет были на руководящей работе, как же не поменяли фамилию?

– В нашей сибирской глубинке многие фамилии происходят от прозвищ. Такие иной раз попадают, что хоть святых выноси! Но это считалось в порядке вещей.

Отчёт о митинге в лесу занял целый газетный разворот. Кроме репортажа были в нём четыре фотоочерка о храбрецах-танкистах из состава корпуса. В том числе о капитане N.

Через десяток дней я получил письмо из Вологодской области. Работница одного из местных хозяйств обнаружила в нашей газете статью о сыне-танкисте. “Сердечно благодарю, что помогли напасть на его след! Когда грянула война, я эвакуировалась из Винницкой области. Сейчас на Вологодчине, связь с сыном утратила. И вот узнала, что он жив и воюет. Помогите его разыскать!”.

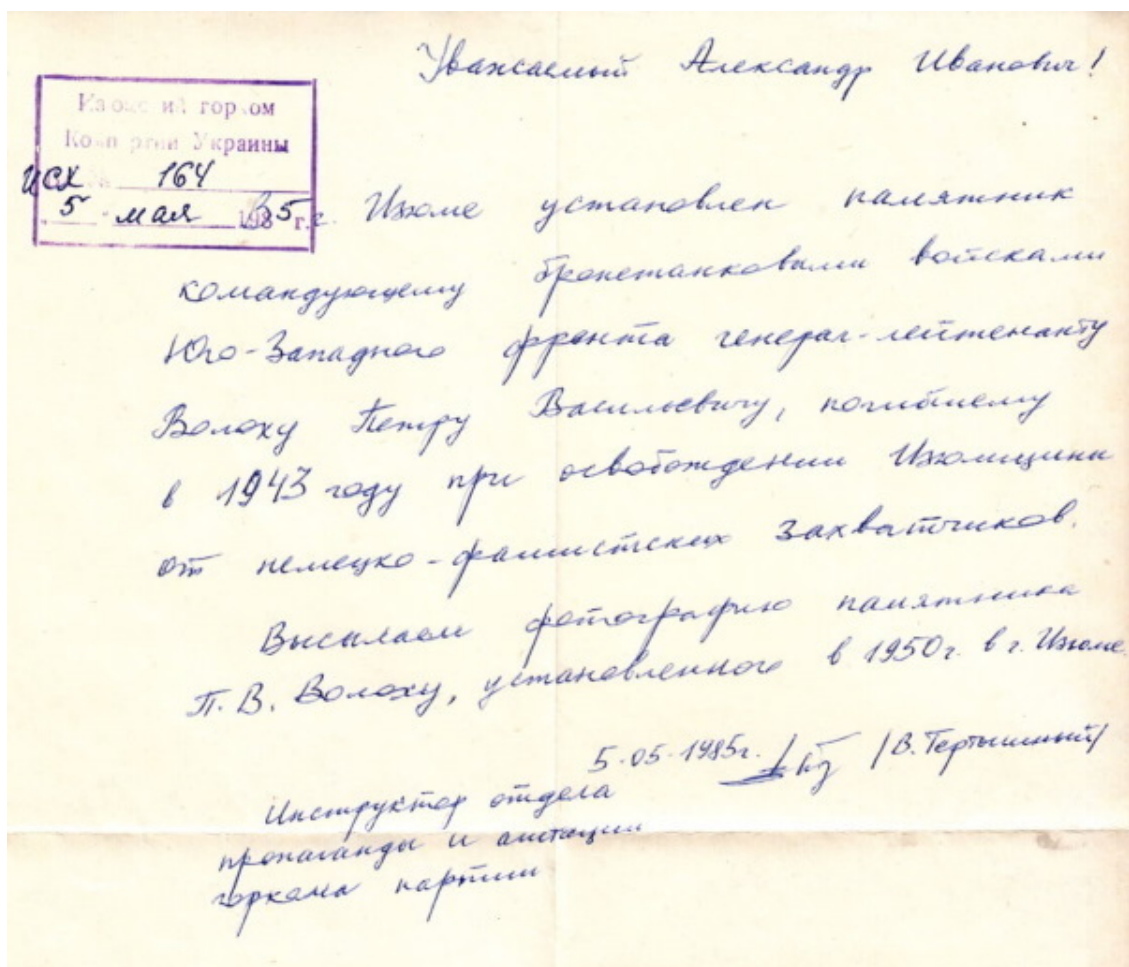
Я обратился к генералу Волоху с просьбой сообщить адрес полевой почты, где служил капитан N, и генерал в моей просьбе не отказал.

Летом 1951 года мы с семьёй отдыхали на Северском Донце, близ города Изюма. 14-летний сын Валерий, хорошо изучивший окрестности, привёл нас на место бывших боёв.

– Здесь, – показал он, – восемь лет назад разыгралось танковое сражение с участием командующего бронетанковыми войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Волоха. Он находился в головном танке, руководил боем. Вражеский снаряд попал в машину, и весь экипаж погиб.

В Изюме я снова увидел его. Он стоял во весь свой рост. Красивый. Стремительный. Бронзовый».

Памятник генералу Волоху в Изюме открыли в 1950 году. 35 лет спустя, работая над мемуарами, отец послал в Изюмский горком Компартии Украины просьбу прислать фотографию этого памятника. Ответ он получил в начале мая 1985 года, за пару недель до своей кончины.

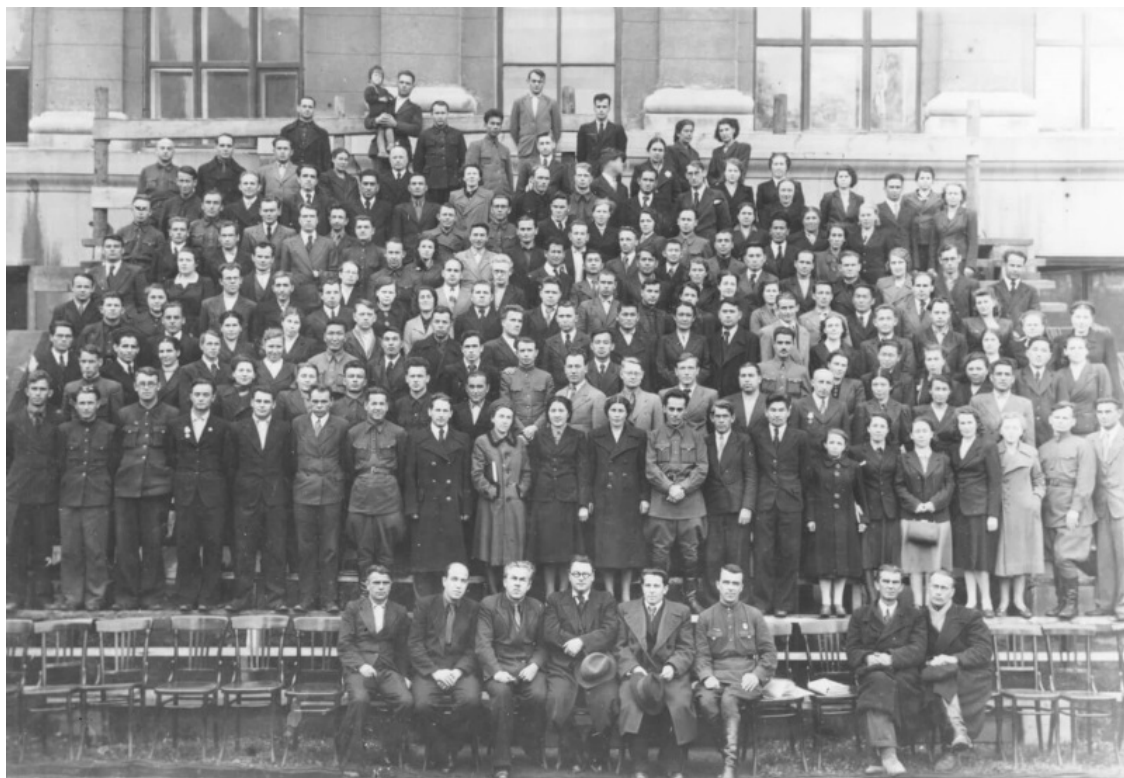


Остаётся добавить, что папу наградили ещё и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».



В Высшей партийной школе

1 августа 1943 года моего отца зачислили слушателем Высшей партийной школы (ВПШ) при ЦК ВКП(б) [Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии большевиков (так до 1952 года называлась Компартия Советского Союза) – Авт.]. В ней готовили руководящие партийные и советские кадры. Вместе с папой к занятиям в этом вузе приступило немало фронтовиков, из-за ранений ставших непригодными к строевой службе.



Отец – 6-й справа в 3-м ряду снизу

Из «Зарубок на сердце»:

«Наш четырнадцатый семинар состоял из журналистов.



Преподавание вели крупные учёные, читавшие курсы лекций в самых авторитетных вузах страны. С кафедры Ленинской аудитории нас пестовали выдающиеся теоретики, деятели партии, дипломаты.

На эту кафедру как-то поднялся молоджавый мужчина. Его иссиня-чёрные волосы были аккуратно зачёсаны назад. Такими же тёмными были его брови, резко контрастировавшие с необыкновенно бледным цветом лица.

– Не пойму, на кого он похож, – поделился я с соседом Иваном Максимовичем Петуховым, который обычно знал больше других.

– Как на кого? – отозвался тот. – Это побочный сын Сталина Константин Степанович Кузаков! В 1911 году Иосиф Виссарионович был сослан в Сибирь и в Сольвычегодске квартировался у Матрёны Кузаковой. Год спустя она родила сына, которого нарекла Константином, а записала на Степана, своего погибшего ранее мужа. После революции Сталин позаботился о том, чтобы Константин Степанович получил высшее образование. *[После войны К. С. Кузаков (1911—1996) занимал пост зам. министра кинематографии СССР, затем работал на «Мосфильме» и в Госкомитете СССР по ТВ и радиовещанию – Авт.]* Нам он прочитал курс лекций по одному из разделов истории партии, продемонстрировав глубокое знание предмета, умение чеканно преподнести материал».



Отец в самом центре снимка вместе с Петуховым

Черчилль собственной персоной

В 1945 году отец окончил ВПШ и по распределению попал в ТАСС. Год спустя его командировали в Англию – работать в лондонском отделении главного информационного агентства СССР.



May-Day Marchers Beat the Rain

Daily Worker Reporter

COLOURFUL banners waved in London streets yesterday as many thousands of May Day demonstrators marched to a great rally in Hyde Park.

Taking part in the demonstration organised by the London Trades Council were builders, busmen, students, dockers, railway workers, housewives, children—in fact, representatives of all sections of the community.

Most of them wore macs to protect themselves from the heavy rain which poured down.

Alternating with the historic trade union banners of the woodworkers, painters, trades councils and other workers' organisations were special streamer banners and placards with topical demands.

"Cheaper smokes for the old folk." "Remember there is still Fascism in Spain." "A shilling off the price of cabbages." "Up with wages, down with profits." "We kept the wheels turning for war. We keep them turning for peace."

Chefs There

Chefs, waiters, porters and cleaners from London's West End hotels and restaurants marched in their smart clothes.

With them was Mr. Arthur Lewis, M.P., and Mr. Piazza, of the Savoy Hotel. This contingent

land, Regent and Strand Palaces. Ninety per cent organised. The Lyon is being tamed."

At St. Pancras Arches, the Mayor, Councillor Powe, gave a send-off to the North London contingent. With the North Londoners were 12-year-old Kenneth Coggins and 13-year-old Charles Jones dressed in St. John's Ambulance uniform.

Regular May Day supporters, they came from staunch Labour homes, they told me.

On demob leave, 23-year-old Alfred Edwards, of the East Surrey Regiment, wore his six war decorations, including the Military Medal for gallantry in action.

"A lot of things want livening

A view of the crowd which gathered in Hyde Park yesterday for the May Day demonstration.

TAXI MURDER —HUNGRY AIRMAN CLUE

LATEST clue in the Burton-on-Trent taxi murder is that a "hungry airman" was given lift in Derby on Saturday afternoon.

Police believe that it is in Derby that the vital clue will be found to the whereabouts of the airman they wish to interview.

In London the search for the Charlotte Street gunmen was intensified yesterday—the sixth day of the comb-out.

HALLSWORTH REPLACING CITRINE

It was reported on good authority last night that Sir Joseph Hallsworth, an ex-chairman of the T.U.C. and member of its General Council since 1926, will succeed Lord Citrine on the National Coal Board.

Sir Joseph Hallsworth, who was knighted in June last year, is general secretary of the National Union of Shop, Distributive and Allied Workers.

"I really cannot comment on this matter," said Lord Citrine last night when his attention was

5 мая 1947 года газета «Дейли уоркер» проиллюстрировала свой репортаж о первомайской демонстрации в лондонском Гайд-парке снимком, где на первом плане – отец, а по его правую руку – мой брат Валерий

В марте 1947 года в Лондон прибыла делегация депутатов Верховного Совета СССР. Это был ответ на визит английских парламентариев в нашу страну годом раньше. В течение месяца мой отец всюду сопровождал нашу делегацию. Из его воспоминаний:

«На следующий день после прибытия гости отправились в Лондонский университет.



В первом ряду третий справа – глава Союза писателей СССР Александр Фадеев, слева от него – руководитель отдела внешней политики ЦК ВКП(б), будущий главный идеолог партии Михаил Суслов. Над ними – знаменитый литератор Константин Симонов, а справа от него в верхнем ряду – мой отец

В наш автобус вошёл Симонов. Проходя мимо меня, обернулся.

– Не узнаёте, Константин Михайлович?

– Пытаюсь вспомнить, – развёл он руками.

– Двенадцать лет назад мы вместе учились в Литинституте...

И пошли разговоры о жизни в последующие годы, об общих знакомых.

– А что с вашим лицом? – полюбопытствовал я.

– В последние месяцы войны летел в Москву. Нас перехватили немецкие истребители, и наш пилот круто пошёл вверх – там было наше спасение. А кислородных приборов не было. Начали лопаться сосуды... Ну, да врачи говорят, всё пройдёт.

Симонов попросил каждое утро заезжать к нему в гостиницу, чтобы в поездки отправляться вместе. Меня поражало, как много он успевал за день: написать и отправить в Москву очерк, переговорить с руководителями московских театров, где готовили новые постановки его пьес, в свободные минуты читать.

Константин Михайлович попросил пройтись с ним по магазинам. Для жены, актрисы театра имени Ленинского комсомола Валентины Серовой, он приобрёл театральный грим. [Симонов посвятил Серовой свой гимн фронтовой любви

«Жди меня!». Во время войны это стихотворение сыграло огромную роль в поддержании духа советского народа – Авт.]. Себе облюбовал трость и модную шляпу. То и другое ему шло, и он всюду появлялся в таком виде.



Симонов с тростью, слева от него – Фадеев. Отец – второй слева в светлых шляпе и плаще

В канун возвращения делегации Верховного Совета на Родину наше посольство устроило прощальный приём. Одним из первых прибыл лидер Лейбористской партии, премьер-министр Клемент Эттли с супругой. Неожиданно явился и Уинстон Черчилль – неожиданно потому, что давненько не бывал на наших приёмах.

В парламенте Черчилль постоянно издевался над своим соперником, придумав ему прозвище: “Овца в овечьей шкуре”. Узрев Черчилля, Эттли побледнел, засуетился. Ни дать, ни взять – приготовишка-шалунишка перед строгим учителем... Ел рыбу и поперхнулся: кость застряла в глотке. Миссис Эттли стоило немалых трудов извлечь её, после чего супруги удалились. Черчилль проводил их насмешливым взглядом. Его плотную фигуру тут же обступили.

72-летнему лидеру консерваторов поднесли стаканчик водки, которую он так обожал. “Неужели одолеет полный сосуд?”.

Черчилль мигом опорожнил его, закусил крохотным бутербродом с чёрной игрой и с благодарностью принял второй стаканчик, а потом – третий, четвёртый. Всё ещё крепко держится на ногах, шутит, посмеивается. Когда принял пятый стаканчик, хитро глянул на окружающих и предложил тост: “За дружбу народов!”».

Он ковал оружие Великой Победы

3 сентября 1908 года на свет появился старший брат моего отца Николай. Трудовую деятельность, а вместе с ней и взрослую жизнь он начал в 16 лет в том же 1924 году, когда умер глава их семьи, на том же Подольском механическом заводе, где позже стал работать и мой отец.

Начав с должности ученика слесаря, Николай Иванович Палладин вскоре стал полноценным слесарем, затем технологом, потом начальником технологического бюро цеха и, наконец, начальником ложевого⁵ цеха, где выпускали деревянные детали винтовки СВТ (самозарядная винтовка, сконструированная выдающимся советским оружейником Фёдором Васильевичем Токаревым. Была принята на вооружение в феврале 1939 г. и впервые использовалась во время Советско-финской войны 1939—1940 гг.).

В 1937 году мой дядя Коля без отрыва от производства окончил механический факультет Ленинградской лесотехнической академии по специальности «Технология деревообработки».

⁵ От слова «ложа». Так именуют деревянные (а теперь и полимерные) цевьё, шейку и приклад на огнестрельном оружии. Ложа обеспечивает удобство при стрельбе, предохраняя ствол огнестрельного оружия от прогиба и давая возможность удерживать его в руках на морозе и при частой стрельбе, когда ствол перегревается.



В октябре 1941 года в связи со стремительным наступлением гитлеровских полчищ Подольский механический завод эвакуировали в Ижевск, где ещё в 1807 году ввиду нараставшей угрозы войны с Наполеоном по указу Александра I основали крупное оружейное производство.

Главнейший арсенал Родины

Как и во время Отечественной войны 1812 года, в годы Великой Отечественной расположенная в 1198 км к востоку от Москвы столица Удмуртии сыграла важнейшую роль в разгроме врага: Ижевск стал единственным в СССР городом, где выпускали все виды стрелкового оружия. По данным Центра документации новейшей истории Удмуртии, за годы войны Ижевск изготовил столько же такого оружия, сколько вся промышленность США, и вдвое больше Третьего рейха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.